

*Посвящается Линдси Дейвис,
благодаря которой
возник мой интерес
к Древнему Риму*

I

Отступив в угол двора, Марк понял, что совершил роковую ошибку. Он почувствовал, как каблук сандалии задел потрескавшуюся штукатурку стены, и инстинктивно подался чуть вперед, чтобы получить хоть какое-то пространство для маневра. Этому его учили в школе гладиаторов Порцинона: всегда следи за тем, чтобы иметь пространство для боя, иначе ты отдашь инициативу своему противнику и окажешься у него в руках. Эту заповедь Тавр, строгий и жесткий старший тренер, постоянно вдалбливал в головы учеников-гладиаторов.

Марк был высоким для своих одиннадцати лет, а благодаря упорным тренировкам он стал сильным и выносливым, научился владеть мечом. Но, увидев своего противника, жилистого человека за тридцать, быстрого в движениях, с острым взглядом, предугадывающим почти все маневры Марка, мальчик подумал, что счет будет не в его пользу.

Сморгнув стекающий со лба пот, Марк постарался преодолеть страх. Он понял, что его единственная надежда — сделать что-то неожиданное, что-то такое, с чем его противник не привык иметь дело. По тому, как этот человек двигался и держал свой короткий меч, было ясно, что его тренировали как солдата или даже как гладиатора. Направив на мальчика меч, он проделал несколько ложных выпадов. Но презрительное выражение быстро исчезло с лица

мужчины, после того как Марк умело отвел все его удары в сторону. Мужчина остановился, сделал несколько шагов назад и внимательно, по-новому посмотрел на своего молодого противника.

— Ты не так глуп, — проворчал он, — но все равно ты еще маленький щенок и нуждаешься в хорошей порке. И сейчас ее получишь.

На этот раз он схватился с Марком всерьез, и звон их мечей эхом отозвался от стен двора. Гул голосов снаружи, с улицы за оградой, едва доходил до ушей Марка — так громко стучала кровь в висках. Он постарался сосредоточиться на противнике, следя за каждым его малейшим движением, означавшим следующую атаку.

Его противник был ловким парнем. Он не устоял бы против такого бойца, как Тавр, но победа над Марком была лишь вопросом времени. Несмотря на быстрые, даже стремительные движения мальчика, мужчина вскоре загнал его в угол и прижал к стенам.

На мгновение Марк испугался, что уже побежден, и тут же выругал себя за то, что поддался страху. Быстро обдумав свои действия, он пригнулся к земле и перенес вес тела немного вперед, балансируя на цыпочках, готовый мгновенно прыгнуть вперед или в сторону. Меч он держал так, чтобы иметь возможность внезапно ударить или заблокировать любой удар со стороны противника. Вытянутая левая рука помогала удерживать равновесие.

Наступила короткая пауза, сражающиеся в упор

смотрели друг на друга.

За спиной противника Марк заметил движение — это пошевелился человек, наблюдавший за схваткой с порога на дальней стороне двора.

Воспользовавшись тем, что Марк на миг отвлекся, его противник напал. С громким криком он прыгнул вперед, направив меч мальчику в голову. Марк нырнул в сторону, и клинок просвистел в воздухе в нескольких сантиметрах от его лица. Мальчик тут же нанес удар по правой руке противника и услышал неприятный слабый звук — это клинок разрезал кожу.

Мужчина с проклятиями отшатнулся и поднял руку, чтобы взглянуть на рану. Это была всего лишь неглубокая царапина, но из нее ручейком потекла кровь. Он пристально посмотрел на порез, потом перевел холодный взгляд на Марка:

— Это тебе дорого обойдется, парень. Очень дорого.

Услышав угрозу, Марк похолодел, но глаз не отвел.

Мужчина крепче сжал рукоять меча, чтобы кровь не попала на ладонь и оружие не выскользнуло из руки. Он медленно пошел к Марку, скривив губы в злобном рыке. На этот раз он даже не пытался сдерживать удары. Лязг клинков громким звоном отдавался в ушах Марка, прижатого спиной к стене. Кончик меча вонзился в штукатурку рядом с его головой, осколки брызнули во все стороны. Противник Марка высвободил клинок и занес его над

головой мальчика.

— Остановись! — окликнул его низкий голос с другого конца двора.

Но у противника кипела кровь, и он просто не мог остановиться. Меч начал опускаться. В последний момент Марк с отчаянием прыгнул вперед и изо всех сил ткнул гардой меча в пах противника. Мужчина громко застонал и отшатнулся назад, его лицо мучительно искажилось от боли. С гневным воплем он сжал левую руку в кулак и ударил Марка. Мальчик попытался уклониться от удара, но кулак все-таки достиг цели, скользнув по черепу с такой силой, что голова Марка мотнулась в сторону. У него посыпались искры из глаз, и он рухнул на землю, судорожно хватая ртом воздух. Он перевернулся на спину, и над ним закружились стены и небо. Его противник стонал где-то рядом, согнувшись пополам от боли. Внезапно Марк почувствовал, как острое клинка коснулось ямки у основания шеи.

Глаза человека сузились, и Марк испугался, что он перережет ему глотку. И тогда Марк умрет. Его сердце наполнилось сожалением и стыдом из-за того, что он не смог завоевать себе свободу и найти свою мать. Она теперь рабыня, отправленная на ферму где-то в Греции. И если он умрет, его мать будет обречена окончить там свои дни. Закрыв глаза, Марк стал молиться богам, чтобы помогли ему избежать смерти.

— Фест! Достаточно! — снова послышался тот же голос. — Зарежешь парня — и я сегодня же распну

тебя!

Прошло несколько долгих мгновений, и наконец давление клинка ослабло. Марк отважился открыть глаза. Его трясло от пережитого, руки и ноги дрожали. Лежа на спине в углу двора, он увидел над собой Феста, скрипевшего зубами от разочарования, а еще выше — грязно-серое небо. Был уже конец весны, но облака низко висели над Римом и грозили дождем. Фест выпрямился и рывком вложил меч в ножны. Потом повернулся к порогу и склонил голову. Марк с трудом поднялся, тяжело дыша, встал подальше от Феста и тоже поклонился.

Выпрямившись, он увидел, что через двор к нему направляется Цезарь, еле заметно улыбаясь. Он остановился перед Марком, оценивающе посмотрел на него и повернулся к Фесту, своему старшему телохранителю:

— Ну? Что ты о нем думаешь?

Фест помолчал и осторожно ответил:

— Реакция быстрая, и с мечом он обращаться умеет, хозяин. Но мальчик должен еще многому научиться.

— Конечно. Я согласен. А ты сможешь научить его?

— Если ты этого хочешь, хозяин.

— Хочу. — На губах Цезаря мелькнула улыбка. — Решено. Ты отвечаешь за парня. Будешь учить его драться. Он должен научиться пользоваться другими видами оружия, помимо меча. Он должен уметь

применять кинжал, метательный нож, палки, знать приемы рукопашного боя.

Цезарь снова посмотрел на Марка. В его холодном взгляде не было и намека на улыбку, когда он продолжил:

— Наступит день, и молодой Марк станет отличным гладиатором на арене. А до тех пор я хочу, чтобы ты помог ему продолжить обучение, начатое им в школе Порцинона. Кроме этого, ты должен научить его тактике уличного боя — это необходимо, чтобы он стал надежным телохранителем для моей племянницы.

— Да, хозяин, — кивнул Фест.

— Теперь можешь идти. Возьми с собой меч мальчика. Потом найди моего управляющего и скажи ему, пусть почистят мою нарядную тогу и надушат ее для завтрашнего дня. Народ не согласен на меньшее от одного из своих консулов, — тихо добавил он. — Я хочу хорошо выглядеть, когда буду стоять рядом с этим жирным дураком Бибулом.

— Да, хозяин.

Фест снова поклонился и заспешил через двор к дому. Когда он ушел, Цезарь обратил все свое внимание на Марка:

— Ты знаешь, что в Риме у меня много врагов, молодой Марк. Врагов, которые с такой же радостью причинят вред моей семье, как и мне самому, Гаю Юлию Цезарю. Вот почему мне нужен кто-то, кому я смогу доверить защиту Порции.

— Я буду очень стараться, хозяин.

— Просто стараться недостаточно, мальчик, — твердо сказал Цезарь. — Ты должен жить, чтобы защищать Порцию. Каждое мгновение твои глаза и уши должны быть открыты, чтобы замечать каждую деталь твоего окружения и обнаружить угрозу, прежде чем она сможет нанести вред. И не только глаза и уши. Ты должен использовать свой мозг. Я знаю, ты быстро соображаешь. Ты доказал это еще в Капуче.

Цезарь замолчал, и они оба вспомнили бой, в котором Марк победил Феракса, мальчика почти вдвое выше себя, а потом убил двух волков, которых натравили на него, после того как он отказался убить Феракса. Но не эти подвиги произвели впечатление на Цезаря, а тот эпизод, когда Порция, его племянница, упала на арену, по которой метались два очень голодных волка, и Марк спас ей жизнь. За это Цезарь считал себя в долгу перед Марком. В то же время Цезарь сразу понял, как выгодно поддержать этого мальчика, который однажды может стать гладиатором, популярным у толпы, и часть его популярности достанется его владельцу. Поэтому Марка выкупили из школы гладиаторов, и он перешел от одного хозяина к другому, как обычное животное.

Цезарь подался вперед и слегка ткнул Марка в грудь:

— Пусть я консул, один из двух самых влиятельных людей в Риме¹, однако меня могут

ранить так же легко, как любого другого человека. У меня есть люди, которые защищают меня, и люди, которые шпионят для меня, но я чувствую, что ты можешь стать одним из самых полезных моих слуг. Пока что ты будешь охранять Порцию, а позже у меня могут появиться другие планы на тебя.

Цезарь с прищуром посмотрел на мальчика. Наступившее молчание заставило Марка нервничать. Он еще не вполне понимал, чего можно ожидать от нового хозяина. Временами Цезарь бывал щедрым и обаятельным. А то вдруг становился безжалостным, жестким и даже жестоким.

— Другие планы, хозяин?

На губах Цезаря мелькнула улыбка.

— Там, где взрослые могут показаться подозрительными, на мальчика не обратят внимания. Вот в таких случаях ты мне и понадобишься. Будешь моими ушами и глазами.

Он замолчал и стал поглаживать подбородок.

Это прозвучало как похвала и выражение доверия, и Марк слегка заволновался. Но его радость быстро прошла, когда он напомнил себе истинный смысл слов Цезаря. Марка хотели использовать как пешку в войне между Цезарем и его политическими противниками. Однако это была вовсе не игра. Мальчик помнил, что рассказывал ему о мире римских политиков Тит, которого он когда-то считал своим отцом. Ставки были высокие — буквально дело жизни и смерти, — и теперь Марку предстояло оказаться в центре этого

мира. Это будет опасно. Но если Марк сумеет стать ценным для своего хозяина и хорошо ему служить, его будет ждать награда. Он уже успел достаточно узнать Цезаря: консул был щедр с теми, кто помогал ему осуществлять задуманное. У Марка быстро забилося сердце. Он взглянул Цезарю прямо в глаза и кивнул:

— Я готов.

Цезарь улыбнулся, посмотрел на Марка долгим взглядом и снова заговорил:

— В тебе есть что-то загадочное, мой мальчик. Ты не простой раб. Любой это заметит. Ты храбр, решителен и вынослив не по годам. Твой отец может гордиться тобой, где бы он ни был.

Марк быстро сообразил: вот первая возможность поведать Цезарю о несправедливости своего положения.

— Мой отец умер, — сказал он. — Его убили по приказу сборщика налогов по имени Децим.

— О? — протянул Цезарь и пожал плечами. — Это очень плохо. Но у богов свои причины поворачивать ход событий.

Марк упал духом, увидев, с какой легкостью хозяин отнесся к его несчастьям.

— А что с твоей матерью? — спросил Цезарь.

— Она рабыня, хозяин. И я не знаю, где она.

Как бы Марку ни хотелось получить помощь в поисках матери, он решил, что лучше солгать. Будет безопаснее, если Цезарь не узнает, где она. Если когда-нибудь станет известно, кто Марк на самом деле,

его убьют, и так поступят со всеми, кто заявит, что они с ним одной крови. Сам Цезарь, несмотря на свою благодарность, которую он продемонстрировал Марку за спасение жизни племянницы, убьет его на месте, как только обнаружит, что настоящим отцом Марка был Спартак, предводитель гладиаторов, который командовал армией восставших рабов, бросивших вызов Цезарю и его высокородным друзьям. Гладиатор, который почти привел к падению Рим и все, что он олицетворял.

---

¹ Консул — высшее должностное лицо Римской республики. В Древнем Риме каждый год избиралось два консула.

II

Как только Цезарь отпустил Марка, мальчик покинул двор и направился в помещение для рабов, находящееся в задней части дома. Когда он впервые прибыл сюда, его провели к управляющему Цезаря, и тот объяснил правила, по которым ему отныне придется жить. Марку предстояло делить небольшую комнату с двумя мальчиками, тоже рабами. Младший мальчик, по имени Корв, был ненамного старше Марка. Он был высокий, худощавый, горбоносый и всем своим мрачным видом выражал покорность судьбе. Другому мальчику, которого звали Луп, было почти шестнадцать, и он умел писать и считать. Иногда он помогал на кухне, но в основном служил Цезарю писарем. Луп гордо объяснил, что писарь отвечает за записи для своего хозяина. Очень часто он сопровождал Цезаря на деловые встречи. Небольшого роста, хрупкий, с аккуратно подстриженными темными волосами, Луп был жизнерадостнее своего товарища. Он тепло приветствовал вновь прибывшего в их убогое жилище. Комната была десять футов² в длину и четыре в ширину, со световой щелью высоко в стене. Мальчики спали на рваных матрацах, положенных на пол у дальней от двери стены. Марку дали такой же матрац и сказали, что он будет спать с одной стороны от узкого входа.

С тех пор ему давали множество мелких

поручений по хозяйству, вплоть до сегодняшнего утра, когда Фест вызвал мальчика, чтобы оценить его бойцовские способности.

Теперь, когда он вернулся в свое жалкое жилище, звуки Субуры — района, где располагался дом, — затихли, превратившись в глухой фоновый гул. Один из старших рабов рассказал Марку, что Субура когда-то была приличным районом. Предки Цезаря построили там доходные дома, в которых жили неимущие сельские семьи, вынужденные искать работу в городе. Теперь же там собрались иммигранты со всего Средиземноморья: греки, нумидийцы, галлы и евреи. Они толпились на узких улочках Субуры, оглашая их криками на разных языках, а разнообразные запахи их традиционных кухонь, смешиваясь, были настолько сильны, что заглушали зловоние протухшей еды и сточных вод.

Хотя Марк находился в столице уже десять дней, он пока не успел привыкнуть к дурным запахам на улицах. Яркое смешение стилей одежды, шум и суэта многочисленных соседей поражали его. Он вырос на уединенной ферме на небольшом греческом острове и знал лишь маленькие радости местного рынка, где суровые фермеры три раза в месяц встречались ради торговли. Сердце его заныло, когда он вспомнил, как шел на рынок рядом с человеком, которого раньше считал своим отцом. Тит, бывший легионер, обладал крутым нравом и часто бывал холоден. Он всегда держал Марка в строгости. Но иногда его строгость

таяла, и он затевал с Марком шуточную борьбу на небольшом дворе фермы или рассказывал ему всякие истории из солдатской жизни.

При мыслях о своем недавнем прошлом Марк грустно вздохнул, разрываемый между счастливыми воспоминаниями и горьким осознанием того, что ему лгали. Тит не был его отцом. Марк узнал об этом меньше месяца назад, когда покинул школу гладиаторов и отправился в Рим, к своему новому хозяину. Правду рассказал ему Брикс, некогда бывший сторонником Спартака. Марк поднял руку к плечу, пальцы скользнули за ворот туники и нащупали клеймо, которое ему поставили, когда он был еще младенцем. Голова волка, насаженная на меч, — этим тайным клеймом были отмечены сам Спартак и его ближайшие последователи, включая его любимую женщину и их ребенка — Марка. Брикс сказал мальчику, что его предназначение — завершить дело своего настоящего отца и возглавить следующий мятеж рабов, который сокрушит Рим и освободит всех рабов, живущих под кнутом своих жестоких римских хозяев.

Марк сердито нахмурил брови. Его мир перевернулся. Все, что он знал, оказалось ложью, и он уже не понимал, какие чувства владеют им. Он все еще любил Тита, сурового, гордого ветерана-легионера. Но в венах Марка не было ни капли римской крови. По-настоящему он был наследником миллионов угнетенных рабов, которые жили и

умирали, скованные одной цепью на рудниках, или выполняя тяжелую работу в качестве слуг на красивых виллах богатых римлян, или служа источником их кровавых развлечений в гладиаторских играх. Вот кем был Марк на самом деле — всего лишь рабом.

Это знание обжигало его душу. Он ощущал горечь обмана и не мог поверить, что мать всю жизнь скрывала от него правду. Но обида на мать тут же сменилась чувством огромной вины. Мать была самым дорогим для него человеком в этом мире, и его единственной целью было найти и освободить ее.

План Марка состоял в том, чтобы разыскать генерала Помпея, бывшего командира Тита, и попросить у него помощи в спасении матери. Подобную милость римский генерал вполне мог оказать вдове одного из своих бывших офицеров. Но если Помпей обнаружит, что Марк на самом деле сын самого ненавистного и опасного раба во всей Римской империи, это станет смертным приговором и для Марка, и для его матери. То же самое может случиться, если его новый хозяин, Цезарь, узнает имя его настоящего отца. Спартак был врагом всех римлян.

Марк снова вздохнул, на этот раз от разочарования: ситуация казалась безнадежной. Нет, он должен найти способ помочь матери без риска раскрыть себя. И быстро...

— Проклятый Брикс! — сердито пробормотал он, выходя во внутренний атрий дома с колоннадой,

окружающей небольшой мелкий пруд.

Погруженный в свои мысли, Марк побрел вокруг пруда, уставившись на плиты у себя под ногами.

— Брикс? Кто такой этот Брикс, который так расстраивает моего спасителя и личного телохранителя?

Марк остановился и испуганно оглянулся — он не должен был произносить вслух имя Брикса. Из-за колонны показалась маленькая фигурка. Это была племянница Цезаря, Порция, девочка чуть постарше Марка, со светло-каштановыми волосами, завязанными в простой хвост, и с такими же пронизательными карими глазами, как у ее дяди. Марку сказали, что мать Порции умерла при родах, а ее отец служит легионером в Испании, поэтому она и живет у дяди в Риме.

Он склонил голову:

— Добрый день, хозяйка Порция.

Девочка чуть наморщила высокий лоб:

— Хозяйка? К чему такие формальности? — Она обвела рукой атрий. — Мы здесь одни. Ты можешь свободно говорить со мной. Никто нас не подслушивает.

Марк кинул взгляд на входы в атрий и понял, что она говорит правду. Но все равно он понизил голос, отвечая:

— Меня могут выпороть за непочтительное обращение с тобой.

— Я не считаю это непочтительным, — мягко

возразила Порция. — Я просто хочу, чтобы ты говорил со мной как друг, Марк. Не как раб моего дяди.

Марк удивленно посмотрел на нее. После своего приезда в дом Цезаря он встречался с Порцией всего несколько раз, и всегда в присутствии других домочадцев. Порция навещала его в школе гладиаторов, пока он оправлялся от ран, полученных, когда он спасал ее от волков на арене школы. Она была очень благодарна ему тогда, и Марк рассчитывал на теплый прием. Но с тех пор как он приехал, Порция выказывала к нему полное безразличие, как и ко всем другим рабам в доме. Перемена в ее поведении, таком высокомерном по сравнению с прежней признательностью, поначалу смутила его и даже обидела.

Вскоре после приезда ему велели вымыть пол в покоях Порции. Пораженный резким контрастом между его унылой клетушкой и уютным существованием Порции, Марк увидел, как далеки друг от друга их жизни. Восхищаясь ее мягкой постелью, покрытой шерстяными одеялами с витиеватыми узорами, он понимал, что между ними пролегла пропасть, широкая, как океан, и такая же опасная. А красивая мебель Порции — столик для благовоний, эбонитовая шкатулка для драгоценностей и большая корзина для свитков стихов, рассказов и писем от ее отца — ясно говорила ему, что в одном доме существуют рядом два совершенно разных мира.

Марк был рабом, и его хозяин мог делать с ним, что хотел. Разве можно считать племянницу Цезаря другом мальчика-раба? Ведь Цезарь не простой житель Рима. Его семья — одна из самых уважаемых в городе, они считают себя потомками самой богини Венеры. Так что вряд ли Цезарь будет обрадован, когда узнает, что один из его рабов разговаривает с его племянницей на равных. Даже за меньшую провинность хозяин может казнить своего раба.

Однако Порция вела себя так, словно этой пропасти не существовало. Марк открыл рот, чтобы ответить, и закрыл, потому что не сумел найти подходящих слов для обращения к ней.

Порцию позабавила его нерешительность, и она тихо засмеялась.

— Ну хорошо, если тебе так будет спокойнее, давай поговорим в саду. В дальнем углу есть безопасное место. Следуй за мной! — скомандовала она и повела Марка по короткому проходу в сад.

Ухоженный сад был не более ста футов в ширину. Прoshлые поколения Юлиев — семьи Цезаря — очень гордились им. Здесь росли тщательно подстриженные кусты, розы и другие яркие цветы, обнесенные деревянными решетками. Они обрамляли затененные дорожки, пересекающие сад во всех направлениях, и наполняли воздух приятным ароматом. В центре сада журчал небольшой фонтан. Трудно было поверить, что что-то столь прекрасное и душистое может существовать в этом переполненном, грязном и

вонючем городе.

Порция повела Марка по боковой дорожке в дальний угол, где встречались две высокие оштукатуренные стены. Здесь пряталось небольшое место для отдыха, укрытое от постороннего глаза живой изгородью. Порция села на одну из двух деревянных скамеек, стоящих вдоль угловых стен. Штукатурка на стенах была искусно расписана, и создавалось впечатление, будто с увитого плющом балкона открывается вид на холмы, спускающиеся к морю. Маленькие кораблики под яркими парусами плыли по неподвижным волнам. «Они тоже не дойдут до места назначения, — подумал Марк. — Они никуда не идут, как и я».

Порция похлопала по скамейке рядом с собой:

— Иди сюда. Сядь.

Он постоял в нерешительности, потом оглянулся.

— Марк, — хихикнула Порция, — здесь нас никто не увидит. Поверь мне. Садись же!

Он сделал глубокий вдох и неохотно опустился на скамью на расстоянии двух футов от Порции — ближе просто не посмел.

— Это рискованно, — сказал он, повернув голову к девочке.

— Ты в безопасности. Если кто-нибудь придет, ты сразу встанешь, а я сделаю вид, что позвала тебя, чтобы ты принес мне попить.

— А если они не поверят тебе?

Она высокомерно подняла бровь:

— Я — племянница римского консула. Кто будет сомневаться в моих словах в моем собственном доме?

— Прежде всего, твой дядя. Не думаю, что он будет счастлив, если его знатную племянницу поймают за дружеской беседой с мальчиком-рабом.

— Ха! — махнула рукой Порция, — если захочу, я смогу веревки вить из моего дяди. Пусть даже он — один из самых влиятельных людей в Риме, следующий после этого старого толстосума Красса и самодовольного генерала Помпея, которого так и хочется назвать генералом Помпезным!

Она засмеялась собственной шутке, показав мелкие блестящие зубы. Слушая сплетни других рабов, Марк узнал, что единственный ребенок Цезаря — его любимая Юлия — вышла замуж за генерала Помпея незадолго до приезда Марка в Рим. Похоже, Цезарь относился к Порции как к замене дочери, которая покинула его дом.

— Во всяком случае, Марк, для тебя совершенно безопасно разговаривать со мной.

Он хотел верить ей, но чувствовал, что надо быть осторожным.

— Так о чем мы будем говорить?

Порция удивилась:

— Ну как же! Прошло уже несколько дней с тех пор, как ты приехал, и я хочу знать, как ты устроился. Что ты думаешь о нашем доме?

— Доме? — Марк обвел рукой сад. — Мне казалось, это дворец. Так живут все римляне?

— Это совсем скромный дом по сравнению с другими, — улыбнулась Порция. — Посмотрел бы ты на огромные дома Красса и Помпея! Вот они действительно похожи на дворцы. Но дядя Гай предпочитает жить здесь, в окружении простых людей. Он говорит, что это помогает иметь толпу на своей стороне. У него есть другой дом, намного величественнее, чем этот, рядом с Форумом. Он достался дяде, когда его выбрали великим понтификом. Однако тот дом служит только для официальных целей. А это наше настоящее жилище. — Порция ласково похлопала Марка по руке. — Все равно, Марк, поговори со мной. Я хочу знать, что ты думаешь о Риме. Ты впервые здесь, верно? — Она шутливо толкнула его. — Разве он не возбуждает своим величием?

— Возбуждает? — Марк невольно горько улыбнулся. — Я возбужден — насколько может быть возбужден раб.

— Послушай, теперь ты — часть дома моего дяди. Ты уже не в той мрачной школе гладиаторов, где он нашел тебя. Я думала, ты будешь благодарен, что все так обернулось для тебя.

Марку не понравился ее тон, и он возмущился:

— Я тоже думал, что твой дядя будет благодарен за то, что я спас тебя.

Порция поморщилась, наклонила голову и взглянула на свои руки, лежащие на коленях. Она немного помолчала, потом смиренно заговорила:

— Я действительно благодарна тебе, Марк. Правда. И мой дядя тоже благодарен, хотя он и мысли не мог допустить, что будет в долгу у раба. Извини меня за эти слова. — Она смущенно посмотрела на него. — Я не хочу быть твоим врагом Я хочу быть твоим другом. Мне немного одиноко. У меня мало друзей... Пожалуйста, не надо меня ненавидеть.

— Я не тебя ненавижу, — сухо ответил Марк и ткнул пальцем в медную пластину, свисающую с его шеи на толстой цепочке. Его имя и имя его хозяина были аккуратно выгравированы на ее блестящей поверхности. — Я ненавижу вот это. Я не должен быть рабом. Я был рожден свободным и жил свободным до тех пор, пока меньше года назад мою мать и меня не похитил сборщик налогов, а моего... отца... убили. Однажды я найду маму и освобожу ее. Я отомщу за отца и убью того сборщика налогов, Децима. Я клянусь.

Порция была ошеломлена:

— Что произошло?

— У моего отца были долги. Он занял деньги у Децима и не смог вовремя вернуть их. И тогда Децим послал своих головорезов. Их вожак Термон убил моего отца, а мою мать и меня забрал, чтобы продать в рабство и таким образом вернуть деньги.

Сердце Марка сжалось от горя, и он отвел взгляд. Немного помолчав, Порция тихо заговорила:

— Тогда, Марк, ты должен завоевать свободу, чтобы у тебя появилась возможность искать мать.

«Завоевать свободу — или убежать», — подумал Марк. Его мозг быстро заработал, оценивая этот вариант. С ошейником раба далеко не уйти. А когда его поймают, то притащат обратно в дом Цезаря и хозяин жестоко накажет его в назидание остальным рабам — обычная практика во всех домах Рима. Марк вздохнул. Он ничего не добьется, убежав прямо сейчас. Все-таки намного лучше следовать первоначальному плану и посмотреть, сможет ли он изложить свое дело генералу Помпею, сохранив при этом тайну своего происхождения.

Марк прочистил горло:

— Если я буду хорошо служить твоему дяде, возможно, он освободит меня. А до тех пор я буду защищать тебя ценой своей жизни.

Порция улыбнулась:

— Спасибо. Знаешь, Марк... наверное, я смогу помочь тебе. Я бы очень хотела помочь.

Оба замолчали. Потом Марк снова заговорил:

— Будем надеяться. Но ты должна знать, что я никогда не смогу быть твоим настоящим другом, пока я — раб, а ты — племянница консула.

После небольшой паузы Порция ответила:

— Наверное, ты думаешь, что я — избалованная бездельница. Такая же, как все другие глупые девчонки, которых носят в паланкинах по городу. Может быть, в каком-то отношении я такая и есть. Но мой дядя — влиятельный человек, а это означает, что многие мужчины и женщины хотят считаться его

друзьями. Поэтому они подхалимничают, выслуживаются перед ним. А их сыновья и племянницы подхалимничают передо мной. Никто не относится ко мне как к обыкновенной девочке. Для них я — способ завоевать благосклонность Цезаря. Мне тринадцать лет. В следующем году меня могут выдать замуж. Мой дядя захочет использовать мою свадьбу, чтобы выше подняться по карьерной лестнице и удовлетворить свои политические амбиции. — Она слабо улыбнулась. — Я не нуждаюсь в твоём сочувствии. Я всегда знала, что у меня такая судьба, и принимаю её. Но прежде чем это случится, я хотела бы иметь в жизни хотя бы одного настоящего друга, Марк. Когда я упала на арену, я видела свою смерть в глазах тех волков. Но ты спас меня. А это значит, что между нами теперь есть связь. Разве не так?

Марк вспомнил, как Тит однажды сказал ему, что, когда один солдат спасает жизнь другому солдату, они становятся братьями. Но его чувства к Порции были другими, хотя он и боялся признаться себе в этом. И, зная об огромной разнице между ними, он все-таки отчаянно хотел, чтобы её слова были правдивы.

— Думаю, что так.

— Тогда ты можешь быть моим тайным другом, а я стану твоим другом. Я буду свободно говорить с тобой, а ты — со мной. Со временем я даже помогу тебе завоевать свободу.

Больше всего Марку хотелось иметь кого-то, с кем

он мог бы свободно разговаривать, но нечего было и думать даже намекать Порции на свое происхождение. Призрак Спартака являлся ей, ее дяде и любому другому римлянину в кошмарных снах. Он означал конец их образу жизни.

Марк заставил себя улыбнуться:

— Спасибо, хозяйка Порция.

Она обиделась:

— Просто Порция, когда мы одни. Пожалуйста.

— Как пожелаешь, Порция.

— Вот! — улыбнулась Порция. — Значит, решено.

Мы — друзья, и мы будем разговаривать так каждый раз, как сможем. Я хочу, чтобы ты рассказал мне, как Фест тренирует тебя, какого ты мнения о Риме, а я расскажу тебе обо всем, что происходит в самых красивых домах города.

Марк нехотя улыбнулся.

Порция хотела сказать что-то еще, но в этот момент послышался крик:

— Марк! Марк! Где ты, парень?

Марк узнал грубый голос Флакка, управляющего домом, поднялся со скамьи и повернулся к Порции:

— Я должен идти.

— Хорошо. — Она слегка сжала его руку. — Надеюсь, вскоре мы опять поговорим.

Марк кивнул. Флакк снова позвал его, и он поспешил из укрытия по боковой дорожке сада. Войдя в затененную колоннаду в конце дома, он увидел управляющего — толстого коротышку в зеленой

тунике. Флакк был почти лысый, если не считать сильно намащенного венчика волос вокруг головы. Его толстые щеки затряслись, когда он резко повернулся на звук легких шагов Марка.

— Где тебя носило? — спросил он сердито.

— Здесь, в саду, господин, — ответил Марк, остановившись перед ним.

— Больше чтоб я тебя здесь не видел. Когда ты не нужен, оставайся в помещении для рабов, пока тебя не позовут. Понял?

Он так сильно ударил Марка по уху, что голова его качнулась в сторону и в ушах зазвенело. Он заморгал и уставился на управляющего:

— Да, господин.

— И не забывай об этом, иначе в следующий раз я выпорю тебя так, что до смерти не забудешь. — Управляющий уперся жирными пальцами в бедра и холодно посмотрел на Марка. — Я знаю, что ты сделал в школе гладиаторов, и я знаю, что хозяин хорошо к тебе относится. Но не думай, что это делает тебя особенным. Ты не лучше остальных рабов. Я здесь управляющий. Ты отвечаешь передо мной. И если ты будешь противоречить мне, то пожалеешь об этом. Я буду относиться к тебе как к кухонным мальчишкам. Ясно?

— Да, господин.

Флакк ткнул пальцем в грудь Марка:

— Теперь слушай. Хозяин направляется в сенат. Он велел, чтобы ты присоединился к его свите.

Возьми из сундука с одеждой накидку и жди его у главного входа. Ну, чего стоишь, парень? Поспеши!

---

² Древнеримский фут равен 29,6 см.

III

Марк стоял с группой других рабов и слуг в вестибюле, ожидая появления хозяина. Накидка, которую Марк выбрал из тех, что были в сундуке на кухне, воняла меньше других. Но все равно от нее несло потом, поэтому он решил не надевать на голову капюшон, — наденет, только если ему прикажут. Другие слуги были в разных туниках и плащах, что указывало на их статус. Рабы были одеты так же мрачно, как и Марк, а Фест, вольноотпущенник, был в чистой красной тунике и коричневой накидке, как и другие слуги, которых он нанял в качестве личных телохранителей Цезаря. Мрачное выражение их обветренных лиц и мускулистые руки подсказали Марку, что они гладиаторы или бывшие легионеры, как его отец.

«Но он не был моим отцом», — напомнил себе Марк. Он постарался не думать о Тите, чтобы не впускать горе в свое сердце. Нужно быть сильным. Нельзя поддаваться чувствам. Он не может быть слабым, если хочет спасти мать. Теперь важна только беспощадная тренировка, которую он получил в школе гладиаторов Порцинона.

— Вот, парень, возьми это.

Марк поднял глаза и увидел, что Фест протягивает ему толстую конусообразную палку, тонкий конец которой обмотан полосками кожи, чтобы обеспечить прочный захват. Марк взял дубинку и оценивающе

взвесил ее на руке. Он отступил на шаг от Феста и стал размахивать дубинкой в разные стороны, ощущая, что она хорошо сбалансирована и будет полезным орудием. Фест посмотрел на него одобрительно:

— Приятно видеть, что ты знаком с этим инструментом.

Марк огляделся по сторонам: еще несколько человек засовывали дубинки за пояс или держали их за толстые концы, словно тросточки. Он повернулся к Фесту:

— Почему у них нет мечей?

Фест удивился вопросу.

— Ах да, ты же новичок в Риме. Слушай, парень, закон гласит, что в пределах города запрещается носить меч. На это никто не обращает внимания, но общество проявляет недовольство, если кто-то нарушает закон. Вот почему у нас дубинки и, кроме них, еще кое-какие вещи. Ты пользовался раньше дубинкой?

— При тренировке, — ответил Марк, — в первый месяц, пока не разрешили пользоваться настоящим оружием.

— Но это тоже настоящее оружие, — проворчал Фест, подняв свою дубинку. — Почти такое же эффективное, как и меч, если дело коснется драки. И не такое уж безнравственное. Последнее, чего хочет Цезарь и другие великие люди Рима, — это чтобы на улицах проливалась кровь. Запомни: раскroiшь кому-

нибудь череп — и получишь беспорядки.

Он помолчал, прищурился:

— И последнее. Ты должен называть меня господином, когда говоришь со мной. Ясно?

— Да... господин.

— Так-то лучше. Держи эту дубинку как тросточку, если я не прикажу кого-нибудь приложить. Понял?

Марк кивнул. Фест похлопал его по плечу:

— Ты храбрый парень!

— Хозяин идет! — послышался голос.

Фест и остальные быстро построились в две линии по обе стороны от входа в дом. Марк встал в конец линии рядом с Фестом, глядя прямо перед собой, как все. Удары ботинок о плиты отдавались эхом от стен. Цезарь вошел в комнату, обнимая за плечи племянницу. За ними шел Луп, с плеча которого свисала сумка с дощечками для записей. Марк украдкой метнул взгляд на хозяина. На нем были чистойшей белой туника с широкой пурпурной полосой, доходящей до низа, и ботинки из тонкой красной кожи с болтающимися кисточками. Волосы были аккуратно уложены в маленькие колечки вокруг головы. Марк был поражен его блестящей внешностью. Похоже было, что Цезарь намерен ослепить аудиторию своим великолепием.

Цезарь остановился и спросил у Порции:

— Как я выгляжу, дорогая?

— Консул до кончиков ногтей! — радостно

улыбнулась Порция. — Я горжусь тобой.

Марк понял, что Порция имела в виду, когда говорила, что может вить из дяди веревки.

— И я тобой горжусь.

Цезарь просиял и наклонился поцеловать ее в лоб. Потом обернулся, и лицо его сразу стало суровым, когда он обратился к ожидающим его:

— Как вам известно, у меня есть враги, но до сих пор у них хватало ума не трогать римского консула. Однако это может измениться. Сегодня утром я намерен предложить сенату новый закон. Он, конечно, разделит членов сената, и это вызовет определенные затруднения. Мои враги могут быть трусами, но я определенно не трус. Важно, чтобы народ Рима увидел, что я не боюсь. Поэтому вы все время должны держаться от меня футов в десяти. Придете мне на помощь, только если я позову вас. И вы даже пальцем никого не тронете, если я вам не прикажу, какой бы буйной ни была толпа. Ясно?

— Да, Цезарь! — хором ответили слуги, и Марк вместе с ними.

Цезарь прошел вдоль каждой линии, проверяя своих людей, потом отступил и кивнул в сторону выхода:

— Выводи их, Фест. Через минуту я присоединюсь к вам. Луп, ты тоже иди с ними.

Марк повернулся, собираясь последовать за другими, но его остановила рука, опущенная на его плечо.

— Нет, мальчик. Ты подожди.

Марк отошел в сторону, а другие стали спускаться по лестнице на улицу. Сердце его тревожно забилось. Чего хочет от него хозяин? Цезарь проследил, как его люди выходят один за другим. Когда последний ушел, он повернулся к племяннице:

— Порция, ты можешь идти.

— Да, дядя, — кивнула она, мельком взглянула на Марка, подняв бровь, и направилась в заднюю часть дома.

Цезарь пристально посмотрел на Марка, и мальчик пришел в замешательство под этим пронизывающим взглядом. Он опустил глаза, заметив удовлетворенную улыбку, мелькнувшую на губах консула.

— Насколько всем, помимо тебя, меня и Феста, известно, я привез тебя в Рим, чтобы ты защищал мою племянницу. И ты будешь ежедневно выполнять эту работу. Однако, как я уже говорил, у меня есть и другие планы на тебя. Поэтому я хочу, чтобы сегодня ты присутствовал рядом со мной в сенате. Важно, чтобы ты запомнил лица людей, которые называют себя моими друзьями, и лица моих врагов. — Он помолчал. — Ты умен, быстро соображаешь, обладаешь прирожденной смелостью. Когда ты выполнишь свою работу здесь, в Риме, я намерен сделать из тебя превосходного гладиатора в одной из моих школ в Кампании.

Марк не сумел скрыть отчаяние. Он быстро взял себя в руки, но было уже поздно. Цезарь нахмурился:

— Разве тебе не нравится такая награда?

Марк подумал, что быть гладиатором — это почти то же самое, что быть рабом до конца жизни. Такой судьбы он себе не желал. Но, понимая, что глупо обижать Цезаря, он кивнул:

— Это будет честью для меня, хозяин.

— Конечно будет. Но до того как ты покинешь мой дом, пройдет некоторое время. А сейчас я хочу, чтобы ты внимательно следил за сегодняшним заседанием в сенате. Ты должен стоять рядом с остальными людьми и быть начеку. Надень капюшон на голову. Там наверняка будут присутствовать агенты моих врагов и наблюдать за нашим уходом. Они, конечно, не обратят внимания на мальчика, но я не хочу рисковать. Ни к чему, чтобы они увидели твое лицо и узнали тебя потом. Я говорю это ради твоей безопасности, но это и в моих интересах. Так что надень капюшон прямо сейчас.

— Да, хозяин.

Преодолевая брезгливость и морща нос от кислого запаха, Марк надел капюшон так, чтобы не было видно лица. Цезарь удовлетворенно кивнул:

— Хорошо. Пойдем.

Последовав за хозяином, Марк поспешил занять свое место позади телохранителей, готовых отправиться в путь. Небольшая толпа собралась на улице посмотреть, как консул будет выходить из дома, и встретила его появление радостными криками. Цезарь тепло улыбнулся людям и приветственно

поднял руку, а затем начал свой неспешный путь по улице. Она была узкая, как и почти все улицы в Субуре, и Марку казалось, что она буквально зажата между высокими жилыми домами. Большинство домов были в два-три этажа, но встречались и почти вдвое выше. Вид этих высоких зданий внушал Марку тревогу. По стенам некоторых из них шли сверху донизу большие трещины. И казалось, эти дома вот-вот рухнут.

Проходя по улице, консул выкрикивал приветствия владельцам маленьких лавочек, встречавшихся по пути. Луп поравнялся с Марком и кивнул в сторону их хозяина:

— Он устраивает целый спектакль, правда?

Мясники останавливали работу, чтобы помахать окровавленными топорами в знак признательности Цезарю, а сукновалы переставали топтать сукно в чанах, поддерживая консула своими криками. Что-то кислое ударило в нос Марку, и он поморщился:

— Что это за запах?

— Запах? — Луп оглянулся на сукновалов. — Ах это. Это моча.

— Моча? Они что же, стоят в моче?

— Вот именно. Нет ничего лучше для очистки материала, — объяснил Луп обыденным тоном.

Марк в изумлении покачал головой, и тут перед ними выбежал пекарь и предложил их хозяину каравай хлеба. Цезарь милостиво принял дар и передал его Марку:

— Вот. Съешь, если хочешь.

Марк благодарно склонил голову и, разломив хлеб пополам, протянул половину Лупу. Он откусил кусок и почувствовал вкус плохо пропеченного теста.

Известие, что Цезарь идет в сенат, разносилось по улицам, и все больше и больше народа стало выстраиваться за его свитой. Когда Марк приехал в Рим, было уже темно. Сегодня он впервые вышел в центр города при свете дня. До недавнего времени единственным известным ему городом был сонный рыбный порт Нидри, почти деревня. И сейчас все его чувства подверглись нападению со всех сторон. Помимо ужасного зловония большого города, его поразили крики городских глашатаев и множество людей в ветхих жилищах, тесно стоящих по обе стороны улицы. Но виды города восхищали Марка, как и разнообразие одежды различных народов, живущих вместе. Неподалеку от дома Цезаря высилась синагога, в дверях которой стояли несколько раввинов, что-то обсуждавших на своем странном языке. Количество магазинов увеличивалось по мере того, как растущая процессия подходила к Форуму в центре города. На прилавках громоздились самые разнообразные товары — от фруктов и зерна до тюков шелковой ткани и драгоценностей.

Кое-что из увиденного пугало Марка: грязные лица голодных детей, ухватившихся за лохмотья их босоногих матерей, и мертвые, лежащие на улицах, как узлы с выброшенным тряпьем. Некоторые тела

были прислонены к потрескавшейся штукатурке стен, где их застала смерть, других мертвецов выбрасывали в темные боковые улочки, чтобы они не мешали проходить живым. Там они и останутся, пока рабочие не снесут тела в одну из общих могил за городскими стенами.

Когда он проходил мимо кучи мусора, состоящей из отбросов, грязи и фекалий, послышался жалобный плач. Повернувшись на звук, Марк замедлил шаг и увидел брошенного младенца, барахтающегося среди всей этой мерзости. Марка затошнило. Он остановился бы, но идущие сзади напирали на него, заставляя идти вперед.

К счастью, Цезарь и его сопровождающие быстро покинули Субуру и пришли на Форум. Марк снова был поражен масштабами увиденного. Общественные здания большого города стояли по обе стороны Священной дороги, главной улицы, ведущей к сердцу Рима. На дальней стороне Форума возвышался Палатинский холм, откуда глядели на город дома самых богатых семей Рима. По мнению Марка, своими блестящими оштукатуренными стенами, высокими крышами, крытыми черепицей, и садами-террасами они скорее напоминали дворцы, чем обычные дома.

Цезарь повернул вправо, к видневшемуся вдали Храму Юпитера и нескольким зданиям у подножия Капитолийского холма. Марк вспомнил, как Тит рассказывал ему, что здесь собирается сенат, чтобы

обсуждать законы, управляющие Римом. Перед ними лежала большая рыночная площадь, где продавались самые изысканные товары со всей империи. Здесь также располагались конторы банкиров и купцов. Марку хотелось хорошенько рассмотреть все это, но надо было идти дальше. Ему с трудом удавалось сохранять свое место в толпе, которая продолжала следовать за Цезарем, направляющимся к месту встречи членов сената. Среди массы народа, заполнившего Форум, Марк заметил других сенаторов в красивых тогах, которые тоже с трудом пробирались через переполненный Форум, каждый в сопровождении своей свиты.

— Черт возьми! — проворчал один из людей Феста. — Где сегодня ликторы? Почему их нет здесь, чтобы расчищать для нас дорогу?

— Потому что Цезарь отослал их, — мрачно ответил Фест. — Не хотел раздражать толпу, приказывая ликторам расталкивать народ.

Марк пробрался вперед, к Фесту:

— Кто такие ликторы?

— Официальные телохранители консула. Они носят пучки прутьев, привязанных к топорикам. Их обязанность — расчищать путь для консулов.

— Тогда почему они не выполняют свою работу? — вмешался кто-то другой. — Уж другой-то консул наверняка заставит своих ликторов расчищать дорогу для него.

— Вот почему он не станет любимцем толпы, —

объяснил Фест. — В отличие от Цезаря. Наш хозяин знает путь к сердцам людей. Он может играть ими, как на лире. А теперь закрой рот и перестань жаловаться.

Фест повысил голос, чтобы остальные услышали его сквозь гул толпы:

— Внимание всем! Будьте начеку!

Марк постарался следовать приказу, но он был недостаточно высок и мало что видел из-за спин окружающих его взрослых мужчин.

Возле Дома сената образовалась плотная толпа. Служащие пытались освободить лестницу для прохода сенаторов. Когда некоторые из сенаторов поднимались по ступеням, толпа радостно ревела. Другие всходили наверх под общее молчание или топот ног.

— Что происходит? — спросил Марк Лупа.

— Существуют два типа сенаторов. Одни хотят удержать власть и богатство в руках аристократов, а другие, как Цезарь, хотят помочь простому народу. Их толпа и приветствует.

Марк невольно удивился желанию своего нового хозяина постоять за бедных людей в Риме. Но если он готов помочь им, то почему не хочет помочь и рабам?

Они продолжили движение к Дому сената, а когда дошли до подножия ступеней, путь впереди наконец очистился. Цезарь поднялся на несколько ступеней и повернулся к толпе. Встреченный радостным ревом, он поднял правую руку и улыбнулся, наслаждаясь приветственными криками. Потом спустился к Фесту,

наклонился к своему слуге и тихо отдал приказ:

— Ты и твои люди останетесь здесь. Луп и Марк, следуйте за мной к входу, а затем найдите подходящее место, откуда можно наблюдать за дебатами. Луп, обязательно объясни Марку процедуру. Я хочу, чтобы он точно знал, кто есть кто в стане врагов.

Цезарь подмигнул Марку, повернулся и поднялся по ступеням к входу в Дом сената. Луп подождал немного, потом подал знак Марку следовать за ним, и они поднялись наверх лестницы. Один из служителей остановил их:

— Куда это вы идете?

— Мы с консулом. Я — его писарь. Он хочет, чтобы мы наблюдали за дебатами.

Служитель наклонился и посмотрел на медную пластину на шее Лупа, проверяя, кто его хозяин, затем ткнул большим пальцем в сторону ступеней:

— Можете идти до общественной галереи, не дальше. Понятно?

Луп кивнул и прошел за Марком к колоннаде, окружающей место для дебатов. Ставни высоких окон были открыты, лучи света падали на ряды каменных скамеек напротив двух богато украшенных кресел для консулов. Одно кресло было занято крупным человеком с круглым лицом и тонкими темными волосами.

— Ха, — улыбнулся Луп. — Консул Бибул уже здесь. Думаю, с нетерпением ждет начала.

Марк перегнулся через деревянные перила,

посмотрел вниз и увидел Цезаря, который шел сквозь толпу сенаторов, пожимая руки и обмениваясь приветствиями. Были и другие, кто холодно относился к Цезарю, и Марк догадался, что это противники, о которых он говорил. Их лица Марк должен был запомнить. Холодок пробежал у него по спине при мысли, что эти сенаторы были злейшими врагами его настоящего отца — Спартака. Эти же сенаторы приказали распять пленных после последнего боя Спартака. Брикс говорил ему, что их было шесть тысяч и они висели вдоль Аппиевой дороги от Рима до Капуи.

Цезарь пересек открытое пространство между скамьями сенаторов и креслами консулов. Он кивком поприветствовал Бибула и сел в свое кресло. Поскольку теперь оба консула присутствовали, остальным сенаторам было позволено занять свои места. Как только прибыл последний сенатор, толпе наконец разрешили войти. Служащие образовали линию у порога, чтобы направлять людей, когда они поднимались по лестнице и заполняли общественную галерею, с которой было видно помещение для дебатов.

— А что будет теперь? — спросил Марк, окруженный любопытными, пытающимися разглядеть сенаторов.

— Теперь? — Луп посмотрел на него с угрюмой улыбкой. — Теперь мы узнаем, кто за Цезаря, а кто против него.

IV

Марк наклонился вперед и стал внимательно наблюдать за тем, как старший служитель сената, прочистив горло, начал читать с восковой дощечки:

— Первый и единственный пункт сегодняшней повестки дня предложен консулом Гаем Юлием Цезарем.

Он склонил голову в сторону Цезаря и возвратился к своему столу, где взял стило, чтобы записывать ключевые моменты предстоящих дебатов для официального архива Римского сената. В Доме воцарилась тишина. Несколько мгновений Цезарь сидел неподвижно, нагнетая напряжение в аудитории, потом медленно поднялся и глубоко вдохнул:

— Как известно каждому гражданину, мы живем в период великого процветания. Мир вернулся в Рим, и пора наконец отдать дань уважения великим жертвам, понесенным нашими согражданами, которые воевали во славу Рима. Солдаты генерала Помпея победили всех врагов, посланных против них...

«Люди, которые убили моего отца и тех, кто боролся вместе с ним за свою свободу», — подумал Марк, охваченный противоречивыми чувствами.

— Теперь они вернулись в Италию, ожидая, что Рим продемонстрирует им свою благодарность, — Цезарь жестом показал на лица, заглядывающие в окна. — Я уверен, сегодня здесь присутствуют многие бывшие солдаты генерала Помпея. Я благодарю их от

лица всех граждан Рима. Им я говорю, что Рим должен бесплатно обеспечить их земляными наделами, которых они, безусловно, заслуживают.

Одобрительные крики людей, собравшихся на колоннаде, прокатились вниз по ступеням и были подхвачены на Форуме. Цезарь подождал, пока наступит тишина, и продолжил:

— Но сегодня здесь присутствуют сенаторы, которые возражают против принципа справедливой награды за доблестную службу наших солдат. Я не буду называть их имен — вы узнаете их, когда они будут выступать против моего предложения. Им придется ответить нашим солдатам за свой протест...

Цезарь обвел взглядом помещение и неожиданно сел. Сразу встал один сенатор и поднял руку, чтобы привлечь к себе внимание:

— Я поддерживаю предложение консула.

— Как и следовало ожидать, — хихикнул Луп.

— Кто он? — спросил Марк, глядя на высокого представительного сенатора, продолжавшего свою речь в поддержку расселения ветеранов Помпея.

— Это Марк Лициний Красс. Он был самым богатым человеком в Риме — нажил состояние, покупая и продавая контракты по сбору налогов. Но потом генерал Помпей вернулся с Востока, нагруженный сокровищами, которые он собрал как трофей. И они стали злейшими врагами.

Марк нахмурился. Он возлагал большие надежды на генерала Помпея. Если у Помпея есть враги, то

Марку надо узнать больше.

— Тогда почему Красс сейчас поддерживает Помпея и его солдат?

Луп усмехнулся:

— Можешь быть уверен, он делает это не по доброте сердечной. Без сомнения, он крепко связан с Помпеем и Цезарем. Я думаю, он надеется на контракты по сбору налогов в провинциях, которые создал Помпей.

— Понятно.

Марк еще какое-то время смотрел на Красса, пока тот объяснял причины, почему сенат должен проголосовать в пользу нового закона. Потом снова повернулся к Лупу:

— Генерал Помпей здесь?

— На этот раз здесь. Обычно он не утруждает себя присутствием. Оказывается, он скорее солдат, чем политик. Первое свое выступление в сенате он провалил и с тех пор приходит только тогда, когда для него важно, чтобы народ его увидел.

У Марка появилась слабая надежда.

— Который из них? — с волнением спросил он.

Луп показал на статного сенатора, сидевшего в первом ряду. У него были светлые волосы, искусно уложенные в аккуратную прическу, золотые браслеты на волосатых запястьях и ожерелье вокруг толстой шеи. Он сидел, сложив руки и кивая тому, что говорил Красс. Вокруг него расположилась группа сенаторов, следивших за ним в ожидании сигнала, когда им надо

будет демонстрировать свою поддержку.

Марк внимательно смотрел на знаменитого генерала, все более и более волнуясь. Это был человек, для которого сражался Тит и чью жизнь он спас в последнем бою против Спартака и его мятежной армии. Это был человек, который мог помочь Марку освободить мать, человек, которого Марк надеялся найти, когда первый раз отправился в Рим. Возможно, Порция права и он должен быть благодарен за то, что оказался в доме Цезаря. Иначе он никогда не узнал бы, как найти генерала Помпея.

Но теперь он должен найти способ подойти достаточно близко, чтобы поговорить с Помпеем. Если он сумеет это сделать, то положит конец страданиям матери. Внезапно перед его мысленным взором возник образ матери, скованной цепью с другими рабами. Он знал, что ее заставили работать на ферме Децима, сборщика налогов, ответственного за все несчастья, которые свалились на Марка с тех пор, как люди Децима появились на ферме Тита. Мальчик вновь мысленно увидел, как Тит умирает от рук приспешника Децима, Термона. Потом перед ним возникло лицо матери, изнуренное, залитое слезами. У него перехватило горло, в глазах защипало от выступивших слез.

Сердясь на себя, он рукавом вытер глаза, пока не заметил Луп. Он должен быть сильным, иначе ему не выпадет шанса спасти мать и себя. Он должен помнить тренировки гладиаторов, которые научили

его противостоять страданиям, не жалуясь выносить боль и несправедливость. Марк заставил себя выбросить из головы все мысли о матери и сосредоточился на дебатах. Надо подумать о том, как это может помочь его делу.

Красс закончил свою речь под умеренные аплодисменты большинства сенаторов и громкие крики народа. Один из сенаторов рядом с Помпеем встал в знак поддержки, затем разразился длинной хвалебной речью в адрес Помпея. Великий генерал принял хвалу, скромно кивнув головой. Когда сенатор сел, поднялся еще один. Полная противоположность другим сенаторам: высокий, тонкий, с растрепанными волосами, одетый в простую бежевую тунику поверх коричневой и в простые сандалии. Гул наблюдающей публики замер.

— Вот и неприятность, — пояснил Луп. — Это Катон. Один из самых непримиримых врагов нашего хозяина. И кстати, тесть другого консула, Бибула.

Катон оглядел сенаторов, публику на колоннаде и наконец впился взглядом в Цезаря.

— Эта мера, — начал он ледяным презрительным тоном, — всего лишь бесстыдная попытка завоевать поддержку толпы ради личной политической славы Цезаря и его марионетки Гнея Помпея. Тот факт, что сенатор Красс внезапно изменил свои взгляды, чтобы поддержать их заговор, направлен против членов этого Дома и народа Рима!

— Ох, — пробормотал Луп. — Цезарю это не

понравится.

Марк посмотрел на своего хозяина — тот сидел неподвижно, как статуя, сохраняя спокойное, сосредоточенное выражение на лице. Если он и был задет или рассержен таким обвинением, никто не догадался бы об этом. Марк почувствовал растущее восхищение своим хозяином.

— Земля, которая является собственностью республики, принадлежит всему народу! — прогремел Катон. — Она не принадлежит лично генералу, и он не может раздавать ее своим солдатам, как бы они ни заслуживали эту землю.

Его саркастический тон был замечен зрителями, и из толпы, осаждающей окна, послышались гневные выкрики.

— Афера аристократов! — раздался голос рядом с Марком.

— Они хотят землю для себя! — крикнул кто-то.

Катон скрестил руки на груди, ожидая, когда затихнут крики, а потом продолжил:

— Какие бы награды ни заслужили наши солдаты, этот способ — кинжал, нацеленный в сердце Рима. Цезарь и его союзники намерены еще крепче держать в руках власть. Наша обязанность, отцы народа, — Катон распахнул в стороны руки, обращаясь к сенаторам, — воспротивиться этим людям, этим влиятельным фигурам, тайно замышляющим против нас.

Сенатор старше его, сидящий рядом,

заплодировал. Другие сенаторы присоединились к нему.

— Это Цицерон, — объяснил Луп. — Он — самый хитрый шакал в Риме. Он будет утверждать, что черное — это белое, и ты будешь верить ему, пока не споткнешься об истину и не разобьешь нос. Цицерон — это человек, за которым надо следить. Если в Риме заключена какая-нибудь тайная закулисная сделка, можешь быть уверен, что он в ней замешан.

Когда Катон возобновил свою речь, Марк невольно удивился ожесточенному соперничеству между членами сената. Раньше он даже и не думал о политике — Рим казался таким далеким от его прежней жизни. Тит всегда относился к политикам с презрением и говорил, что они никогда не станут ровней генералу Помпею, который провел свои армии почти по всему миру. Из того, что маленький Марк узнал от Тита и от других людей, встреченных им с тех пор, как его привезли в Италию в качестве раба, у него сложилось представление, что сенат — это место, где собираются самые великие умы республики, чтобы обсуждать и проводить новые законы. Но, наблюдая за всеми этими сенаторами, Марк был больше всего поражен тем, что они, похоже, ненавидят друг друга.

Катон продолжал говорить, говорить, говорить... Прошел час, другой, наступил полдень. Катон сыпал обвинениями и оскорблениями, а потом перешел к

бессвязному изложению длинной истории борьбы с тиранией, которая началась несколько столетий назад и завершилась тем, что римский народ поднялся против своего последнего царя Тарквиния Гордого и объявил республику. Наконец некоторые зрители, собравшиеся у окон, стали уходить. У Марка заболели ноги от долгого стояния, он подался вперед и облокотился о деревянные перила. Он перестал слушать Катона, ему надоело. И не только ему одному надоело слушать Катона. Внизу, на сенаторских скамьях, несколько более старых членов сената задремали, склонив голову на грудь. Один очень старый, иссохший сенатор храпел, откинувшись на спинку скамьи, пока Катон бубнил свое. Марк заметил, что у Цезаря кончается терпение. Теперь он открыто бросал сердитые взгляды на Катона.

— Как и предвидел хозяин, — сказал Луп. — Катон намерен заболтать предложение.

— Что это значит? — спросил Марк.

— Это значит, что если он будет говорить до захода солнца, то служащий должен будет отложить дебаты до следующего дня. Если он и завтра будет так долго говорить, дебаты опять отложат.

— Ему разрешат это?

— Таковы правила, — пожал плечами Луп. — Это политика, чтоб ты знал.

— Наш хозяин не допустит, чтобы Катону это удалось.

— Конечно не допустит. Но он не хочет, чтобы все

увидели, что он нарушает правила, лишь бы провести свое предложение. Он постарается их не нарушить.

Марк посмотрел на двух консулов, сидящих в своих креслах. Цезарь хмурился, барабанил пальцами по подлокотнику кресла. Бибул сидел рядом с ним, сложив руки, и улыбался с довольным видом.

Через час после полудня Катон вдруг замолчал, сел и послал служащего принести ему воды. Цезарь немедленно встал:

— Я благодарю сенатора Катона за его вклад в дебаты. Уверен, мы все с удовольствием послушали урок истории.

Несколько сенаторов засмеялись. Катон встал, качая головой, и поднял руки, привлекая к себе внимание:

— Я не закончил свою речь!

— Но ты закончил, когда сел на свое место, — с улыбкой заметил Цезарь.

— Я только взял паузу. Я не закончил.

— Ты уже сказал более чем достаточно, и наше терпение иссякло, — твердо возразил Цезарь.

— Я не уступлю своего права говорить, пока не буду готов к этому, — настаивал Катон.

— Ты злоупотребил своим правом, — повторил Цезарь. — Ты ясно показал всем, что ты против моего предложения. Теперь очередь кого-нибудь другого.

— Это я буду решать! Я не уступлю!

— Значит, ты отказываешься уважать правила сената.

Цезарь сел и щелкнул пальцами ликторам, стоявшим за креслами консулов:

— Удалите этого человека из Дома сената!

Среди сенаторов раздались изумленные вздохи, послышался ропот. Преодолев нерешительность, старшина ликторов дал знак своим людям, и они прошли между каменными скамьями и окружили Катона, который стоял, решительно скрестив руки на груди. Когда он отказался двинуться с места, два ликтора взяли его под руки и потащили к проходу.

— Вы не имеете права так поступать! — громко запротестовал Бибул. — Это произвол!

— А действия Катона нарушают правила, — возразил Цезарь. — Он высказал свою точку зрения, и теперь он препятствует свободным и справедливым дебатам. Мы будем продолжать без него.

Марк с удивлением наблюдал, как Катона выволокли наружу и спустили со ступеней на улицу. Он попытался вернуться в Дом, но ликторы решительно преградили ему путь.

Бибул побагровел от гнева:

— Это скандал! Произвол! Это тирания!

— Ни то ни другое, — спокойно ответил Цезарь. — Если бы это было так, ты, без сомнения, был бы уже мертв.

— Ты смеешь угрожать мне? Консулу Рима?

— Успокойся, дорогой Бибул, а не то ты сам причинишь себе какой-нибудь вред. Давайте продолжим дебаты.

— Нет! Я отказываюсь! — Бибул с трудом поднял с кресла свое громоздкое тело. Высоко держа голову, он торжественно прошагал к выходу. — Я не хочу принимать участие в этой попытке оскорбить власть сената. Более того, я наложу вето на любую попытку проголосовать за предложение Цезаря. — Он обвел взглядом присутствующих сенаторов. — Я призываю всех, кто ценит свою честь, присоединиться ко мне и к сенатору Катону.

Наступила короткая пауза, сенаторы начали неловко переглядываться. Наконец Цицерон встал и прошел к Бибулу. К нему присоединился другой сенатор, потом еще один, и еще. По оценке Марка, почти треть сенаторов были против Цезаря. Когда они покинули Дом сената, Цезарь поднялся:

— Сегодняшнее заседание закрывается. Дебаты будут возобновлены завтра, на Форуме, где я выступлю перед народом, чтобы он принял решение.

Закончив, он посмотрел туда, где стояли Марк и Луп, наблюдая за событиями. Он кивнул Лупу и отвернулся, чтобы во главе остальных сенаторов выйти из Дома сената.

— Пошли! — Луп схватил Марка за руку.

— А что будет?

— Небольшой сюрприз для нашего друга Бибула, который Цезарь подготовил заранее. Вполне заслуженный.

Они пробрались сквозь оставшуюся толпу и поспешили на лестницу перед Домом сената, где ждал

Фест с телохранителями Цезаря. На ступенях смешались сенаторы обеих фракций. Катон и Бибул продолжали протестовать, стараясь увеличить количество своих сторонников.

Луп остановился перед Фестом.

— Хозяин готов преподнести свой сюрприз.

— Замечательно! — радостно воскликнул Фест, потирая руки, и повернулся к одному из своих людей. — Все готово?

— Да, господин, — хихикнул человек, кивнув на что-то у себя за спиной. — Он будет так потрясен, что запомнит это на всю жизнь.

— Тогда мы сделаем это, как только Бибул станет спускаться с лестницы. Вы, ребята, стойте около меня и наблюдайте. Может возникнуть потасовка.

— Да, господин, — ответил Марк. — Но не беспокойся, я смогу постоять за себя.

— Я уже убедился. Тогда пригляди за Лупом вместо меня.

Вдруг из толпы на Форуме раздался крик:

— Он идет!

В полуденном свете появился Цезарь. По обе стороны от него шли Помпей и Красс. Цезарь указал пальцем на Катона и громко выкрикнул:

— Сегодня ты проигнорировал волю народа, друг мой. Но ты не можешь вечно отказывать ему в его праве на награду.

— Посмотрим! — крикнул в ответ Катон. — Пойдем, Бибул, здесь просто дышать невозможно от

зловония.

Резко повернувшись, Катон стал спускаться с лестницы. Бибул и остальные из их фракции поспешили за ним.

— Пошли, парни! — махнул рукой Фест.

Люди Цезаря хлынули вверх по лестнице, выкрикивая угрозы и оскорбления. Крепко держа дубинку, Марк изо всех сил старался держаться рядом с Лупом и не отставать от остальных. Глаза писаря расширились от ужаса. Окруженный толпой, он судорожно прижимал к себе сумку. Марк увидел, что на лице Катона промелькнул страх. Но он остановился, выпрямился и презрительно посмотрел на нападающих. Бибул и другие тоже остановились.

— Долой Катона! — громко крикнул Фест. — Долой Бибула!

Люди Цезаря окружили сенаторов и начали драться с ними. Ликторы, которые должны были защищать Бибула, бросились вперед, чтобы прекратить стычку.

— Давай! — крикнул Фест.

Человек, с которым он разговаривал, бросился вперед с большим ведром в руках. Он остановился перед Бибулом и опрокинул содержимое ведра на голову консула. Комковатая жижа нечистот покрыла его лицо, стекая на белую тогу. Воздух наполнился зловонием, и толпа вокруг Бибула рассеялась.

Фест и его люди громко хохотали, отступая, и так же отреагировал народ на Форуме, когда увидел

несчастливого консула. Даже Луп, позабыв свой страх, ухмылялся, глядя, как Бибул застыл в немом шоке, а затем попытался стереть экскременты с глаз.

— О боги! О боги! — крикнул Цезарь, спускаясь с лестницы. — Кажется, ты по самую макушку в чем-то невообразимом, мой дорогой.

Бибул повернулся и ткнул в него пальцем:

— Это чудовищно! Это произвол! И за этим стоишь ты, тиран!

— Я? — Цезарь с невинным видом дотронулся до своей груди. — Мне и в голову не пришло бы сделать что-либо до такой степени подлое с одним из самых выдающихся людей Рима, а твоя фигура определенно выдающаяся.

Цезарь кивнул на огромный живот Бибула. Сенаторы за его спиной тоже захохотали вслед за толпой. Сгорая от гнева после такого унижения, Бибул бросился вниз по лестнице в сопровождении Катона и других сенаторов. Толпа на Форуме, глумясь, расступалась перед ними.

— Так-то вот, — удовлетворенно заметил Цезарь, улыбаясь Помпею, Крассу и друзьям.

Те в ответ тоже улыбнулись.

Марку, как и остальным людям Цезаря, понравился этот спектакль, но улыбка замерла на его губах, когда он увидел стоящего рядом с Крассом высокого лысого мужчину с худощавым лицом. Он широко улыбался, поздравляя Цезаря. Марк сразу узнал его, хотя видел всего лишь один раз, и то

недолго. Сердце мальчика наполнилось ледяной ненавистью, и он крепко сжал дубинку.

Когда Цезарь обратил внимание на другого из своих сторонников, человек отступил и стал смотреть на толпу. Взгляд его скользнул по Марку, потом его внимание привлекло что-то, о чем говорил Красс.

Марк продолжал смотреть на лысого, напрягшись всем телом, и вспоминал их последнюю встречу. Когда они с матерью стояли в загоне для рабов в небольшом греческом городке, где их должны были выставить на аукцион, этот человек пришел поглумиться над их несчастной судьбой. Этот самый человек, сборщик налогов Децим, был причиной всех его страданий. Неподалеку от него стоял еще кое-кто знакомый, и Марк затаил дыхание. Термон. Тот, кто убил Тита.

V

В ту ночь Марк почти не спал. Он лежал на постели, глядя на луч лунного света, проникающий сквозь узкое окно высоко в стене. Луп похрапывал, лежа на спине. Другой мальчик, Корв, лежал свернувшись под поношенным одеялом и что-то бормотал во сне. До сих пор они едва обменялись несколькими словами о своем прошлом. Возвратившись с Форума, Луп рассказал Марку, что он родился в доме Цезаря и был рабом всю свою жизнь. А от Корва он слышал, как его бедные родители еще младенцем продали сына ланисте — учителю и начальнику гладиаторов. Но надежды ланисты сделать из него гладиатора не оправдались: мальчик сломал ногу и стал хромым. Ланиста продал его работорговцу, а тот привез мальчика в Рим, где Флакк купил его для работы на кухне.

Мысли Марка перекинулись на другое. С тех пор как он увидел Децима и Термона возле Дома сената, у него в голове царило смятение. На некоторое время его первоначальный план попросить помощи у Помпея был вытеснен отчаянным желанием отомстить Дециму — выследить и убить его.

Постепенно гнев Марка утих, и он задумался о том, с какой целью сборщик налогов прибыл в Рим. Если он поддерживает Красса, который, в свою очередь, является союзником Цезаря и генерала Помпея, то положение стало сложнее, чем раньше.

Разве может Марк обратиться к Помпею с просьбой найти мать и осудить Децима за их похищение, если сборщик налогов тесно связан с важным союзником Помпея? Помпей никогда не примет сторону Марка против столь влиятельного человека, как Красс.

Хотя Марка приводил в отчаяние новый поворот событий, мальчик понимал, что это дает ему возможность узнать, где держат его мать. Если ему станет известно, где в Греции находятся фермы Децима, он сможет найти ту, на которую отослали его мать. Но внезапно он осознал горькую реальность своего положения. Он всего лишь раб. И узнает он или нет, где находится его мать, это все равно не поможет ее освободить. К тому же ясно, что у Помпея есть более серьезные вещи для размышления. С чего бы ему помогать Марку?

Противостояние в Доме сената показало Марку, насколько разъединены влиятельные семьи в Риме. Из всего, что он видел и слышал сегодня, было понятно, что сенат расколот политиками, дерущимися за власть и любовь толпы. Больше всего Марка поразило то, как Цезарь злоупотребил своим влиянием, намеренно оскорбив своих противников. Ему явно нравилось рисковать. Хотя Марк мало что понимал в римской политике, ему казалось, что такие люди представляют опасность и для себя, и для тех, кто следует за ними.

Марк повернулся на бок и закрыл глаза. Мысли его блуждали, и вдруг он понял, что думает о Порции. На протяжении всего этого долгого периода у него не

было друзей ближе ее. Сначала он боялся последствий разговора с ней наедине, потом стал мечтать о том, чтобы проводить с ней больше времени, раз уж он теперь ее телохранитель. Но первым делом он должен завершить свое обучение. Интересно, будет ли оно тяжелее и опаснее, чем в школе гладиаторов Порцинона? Одно было ясно: на улицах столицы Марка поджидает такая же опасность, как и на арене с волками.

Снова и снова прокручивая в голове ситуацию с Крассом, Помпеем и Децимом, Марк так и не нашел решения и спустя несколько часов бесплодных размышлений наконец уснул.

— Проснись, Марк, соня ты этакий! — закричал Фест, ударив Марка дубинкой по плечу.

Было очень больно. Марк отпрыгнул и выставил вперед дубинку, готовый парировать следующий удар. Он не обиделся на такое обращение. В конце концов, Фест учил его выживать, к тому же сегодня утром Марк был медлительным, как никогда, — сказывалась бессонная ночь. Но все-таки решение было принято: выждать какое-то время, пока не станет ясно, как Децим вписывается в мир Цезаря. И тогда Марк решит, как действовать. Мальчик снова сосредоточился на бое, зная, что эти навыки понадобятся ему, чтобы защищать Порцию.

— Вот так, — удовлетворенно кивнул Фест. — Намного лучше. Марк, всегда будь начеку. Ты не

можешь позволить себе медленно реагировать на улицах. Напасть могут с любой стороны, в любое время. И если твои зрение и слух не будут острыми как бритва, то потом может оказаться слишком поздно что-либо предпринимать.

Еще не закончив фразу, он снова взмахнул дубинкой, на этот раз направив ее по широкой дуге в другое плечо Марка. Это был очевидный прием, и Марк инстинктивно сделал движение, чтобы заблокировать удар. Фест тут же вскинул дубинку, и она, просвистев в воздухе, готова была опуститься на голову Марка. Но мальчик упал на одно колено и вскинул свое оружие так, что вместо головы дубинка Феста ударила по рукоятке дубинки Марка.

— Молодец, — похвалил Фест, отступая и опуская оружие.

Они снова находились в небольшом дворе, где Фест тренировал своих людей.

— Когда ты вне стен дома, эта дубинка будет первым оружием, которое ты сможешь использовать в драке. Ножи будут заткнуты у тебя за пояс или спрятаны под туникой. Они бесполезны, если на тебя нападут внезапно. Они только на тот случай, если у тебя будет время вытащить их. Или когда ты сам нападаешь либо готовишь ловушку. Понял?

— Да, господин.

— Конечно, дубинку можно использовать и иным образом, — продолжал Фест, крутя вышеупомянутым орудием над головой. — Только идиот или неумелый

боец будет просто размахивать ею во все стороны.

Он опустил дубинку и вдруг сделал ею резкий выпад вперед, но в последний момент оттянул назад, так что дубинка лишь слегка коснулась груди мальчика. Как его и учили, Марк даже не моргнул. Тавр однажды сказал, что бой между гладиаторами наполовину выигран, как только ты пристальным взглядом заставишь противника опустить глаза. Фест одобрительно хихикнул:

— Вероятно, хозяин был прав: ты прирожденный воин. При правильном обучении и при условии, что ты проживешь достаточно долго, когда-нибудь ты сможешь стать отличным гладиатором.

У Марка при этой мысли застыла кровь в жилах. Последнее, чего он хотел, — это драться с другим человеком до смерти, просто чтобы доставить удовольствие кровожадной толпе. Два раба, один против другого, ради удовольствия своих хозяев!

Внезапно его охватило неприятное ощущение: ему показалось, что у него за спиной кто-то стоит и наблюдает за ним. Он быстро оглянулся, но увидел только потрескавшуюся штукатурку стены. Тем не менее он почувствовал присутствие чего-то или кого-то, и по его спине пробежал холодок. Может, это была тень его отца, его настоящего отца — Спартака. Что он подумал бы о своем сыне, работающем на одного из самых влиятельных людей в Риме, на человека, олицетворяющего все, против чего его отец боролся?

Молчание затянулось, и Марк заметил, что Фест с

раздражением смотрит на него. Он быстро вспомнил последние слова наставника и торопливо прокашлялся:

— Да, господин. Я надеюсь стать победителем, которым Цезарь будет гордиться.

Фест улыбнулся:

— Вот это правильно, парень. У тебя есть амбиции. Мне это нравится. Но амбиции — это лишь малая часть пути к величию. Гладиатору нужны сила, самодисциплина и мастерство, а эти качества приходят только при абсолютной преданности делу. Тебе ясно? Коротких путей нет.

Марк кивнул, и Фест сказал:

— А теперь вернемся к уроку. Очень важно, чтобы ты полностью овладел дубинкой, прежде чем начнешь охранять хозяйку Порцию. Если тебе не удастся защитить ее, хозяин заставит тебя заплатить за это жизнь, можешь быть уверен. В таком случае что ты теряешь? Если тебе придется драться, чтобы спасти ее, ты должен быть готов умереть.

— Да, господин. Я понял, — торжественно кивнул Марк.

Перед его мысленным взором на мгновение предстала картина: он спасает Порцию от каких-то безликих нападающих. Он тут же отбросил это видение.

— Конечно, драка — это последнее средство, — продолжал тем временем Фест. — Бегство — всегда первый и лучший вариант. Телохранитель не должен

думать как солдат. Если есть выбор между дракой и бегством, ты всегда выбираешь бегство и выводешь того, кого защищаешь, из опасной ситуации. Но если дело доходит до драки, помни, что ты можешь использовать конец дубинки, чтобы ранить противника, и всю длину дубинки, чтобы поколотить его.

Он резко ткнул концом дубинки в стену рядом с плечом Марка, так что во все стороны полетели осколки штукатурки.

— Посмотри.

Марк повернулся и увидел в стене углубление, от которого в разные стороны расходились трещины. Он ясно представил, какое повреждение может нанести такой удар живой плоти.

— Предположим, это лицо человека или его грудь, — сказал Фест. — Если тебе удастся ткнуть его в глаз, это ослепит его, а может быть, и убьет. В любом случае он будет выведен из строя. Удар всей дубинкой рассечет мышцы и может сломать кости, но это грубый способ, к тому же неэффективный. Всегда старайся как можно быстрее закончить бой. Там нет ни зрителей, которым надо понравиться, ни славы, которую надо завоевать. Просто поскорее закончи драку и как можно быстрее отведи хозяйку Порцию в безопасное место.

Остаток дня они практиковались с дубинками. Фест не жалел для Марка болезненных ударов. Сжав губы, Марк продолжал постепенно совершенствовать

технику, пока не научился блокировать почти каждый удар и предвидеть движения учителя. К концу дня он даже стал сам наносить Фесту удары, не обращая внимания на занозы в порезах и не жалея силы на удары концом дубинки.

Наконец Фест закончил урок, потирая запястье, по которому пришелся резкий удар Марка. Он неохотно кивнул мальчику:

— Ты быстро учишься. Завтра мы перейдем к палке. Теперь марш на кухню. А ночью хорошо выспись. С рассветом мы начнем.